

Наталия Шимонова

ОКТОМЕРОН,
ИЛИ МОЁ
ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО АНДАЛУСИИ

Наталия Шимонова
Октомерон, или Моё
путешествие по Андалусии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23284400

ISBN 9785448385636

Аннотация

Писатель дон Бернардино отправился в путешествие по Андалусии. Застигнутый непогодой на горном перевале в местечке Лоха, он остановился на постоялом дворе, как и другие странники, путешествовавшие в этих краях. Несколько дней отрезанные от всего мира ненастьем путники коротали время за историями, рассказанными у камелька. А когда случайные собеседники расстались, то дон Бернардино взял на себя обязательство составить книгу новелл из услышанных им сказок и былей. И эта книга перед вами.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	6
День первый	34
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Октомерон, или Моё путешествие по Андалусии

Наталия Шимонова

*Истории, записанные доном Симоном
(Бернардино) д'Амброзио Дуарте-и-Тормес
по дороге из Мадрида в Малагу на постоялом
дворе в местечке Лоха, что на горном перевале
между Севильей и Гранадой.*

© Наталия Шимонова, 2018

ISBN 978-5-4483-8563-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эти новеллы сравнительно недавняя находка. Рукопись Симона д'Амброзио Дуарте была найдена около пяти лет назад в Отделе рукописей библиотеки Мадрида. Долгое время исследователи пытались установить время создания произведения. Первоначальное предположение о том, что рукопись представляет собой собрание новелл конца XVII века, объединённое только общим сюжетом, созданным рукой составителя, не подтвердились. Затем была выдвинута версия в пользу более позднего написания всех новелл, составляющих сборник. Последние лингвистические исследования текста дают основания думать, что вся рукопись была создана в первой половине XIX века и только является стилизацией под более раннее творение. На что указывает и часть имени автора de Tormes (с Тормеса, или Тормесский), отсылающая читателя к известному анонимному роману «Ласарильо с Тормеса», изданному в 1554 году. Идентифицировать же подлинную личность автора исследователям пока не удалось. Существуют даже предположения, что автор рукописи мог и не быть испанцем. На данный момент нет никаких достоверных сведений о том, кто был автор, и когда в точности была написана эта рукопись.

Пролог

In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti¹.

Путешествия, пожалуй, не так давно приобрели свою привлекательность, выступив как способ рассеяния скуки, или как способ приобрести новые впечатления. Времена, когда перемещение из города в город, и из селения в селение было продиктовано нуждой, или благочестивыми соображениями, или войной, кажется, прошли. Теперь всякий может, обладая достаточными средствами, сняться с места и отправиться именно туда, куда влечёт его любопытство или необходимость.

Случилось так, что Господь направил мои стопы в Андалусию. Надобно признаться, что я вовсе не испанец, хотя и прожил в Испании долгие годы. Да, родился я за пределами Испании, но после того, как мои родители перевезли меня с моей родины к новому месту жительства, никогда во всю жизнь не покидал я своего Мадрида и не выезжал далее Толедо, а ведь Толедо находится так близко, что эту поездку совсем нельзя считать путешествием. И вот, достигнув достаточного возраста и утомившись книжным учением, пришёл я к соображению, что мне, как собирателю и любителю древностей, следует отправиться в путешествие. По рас-

---

¹ Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. (Лат.)

суждении же куда направить мне свой путь, решил я, что нет ничего лучше, чем путешествие по той стране, которая была мне прибежищем во всю мою жизнь, и кою я уже могу с полным правом почитать своею родною, ибо никакой другой язык, кроме испанского, не близок мне так, чтобы мог я на нём думать, говорить и писать. Всё в этой земле: и воздух, и песни её, и люди – всё говорило мне о том, что должен я совершить путешествие именно по здешним благословенным землям. Но когда же я задумался, куда именно следует мне поехать, то есть избрать ли мне юг своим направлением, или север, или восток, или запад, то вот какое соображение пришло мне в голову. Нельзя объять всего, сказал я себе. И тут следует выбрать что-то одно, но только то, что достаточно скажет моему воображению и характеру. Задумавшись так, я решил, что северные части Испании, пожалуй, многое расскажут мне, но не удовлетворят моей жажды чудесного и героического, коей с юных лет полны мой ум и моя душа. И что же самого выдающегося, думал я далее, было в истории этой земли? Что же, как не Реконкиста, подумал я, наложило свой суровый и поэтический отпечаток на историю этих земель? Не история ли благородного Эль Сида Кампеадора, дона Родриго Диаса де Бивара будоражила с детства моё воображение? Не «Песнь ли о моём Сиде» с благоговением читал я, сидя на коленях у моей матушки? Не об Изабелле ли Кастильской сказывала она мне над моей колыбелью? Не имена ли Севильи, Гранады и Альхамбры с детства

пленили меня? И как только всё это я сказал себе, рассудив обо всём подробно, то тут же определился маршрут моего путешествия, коего я уже страстно жаждал.

Итак, я решил отправиться в Андалусию, чтобы пройтись по улицам Малаги и Севильи, чтобы насладиться древней Гранадой и поклониться могилам благородных Католических королей, чтобы вдохнуть воздух, напоённый солнцем и ароматом цветущих гранатов и апельсинов, чтобы увидеть чудесную Альхамбру, чтобы вдохнуть тот воздух, о коем так поэтически говорится в наших старых Романсеро. Временем начала путешествия я положил июнь грядущего года и сделал всё необходимое, чтобы приготовиться к столь долгому переезду, который я желал совершить столь неторопливо, сколь это возможно. И так началось моё путешествие.

Покуда живём мы одними только книгами и мыслями, то сказочная сладость окутывает наши представления о жизни. Такая же сладость окутывала и меня, когда я пустился в странствие по дорогам Испании. О, как не знал я страны, по которой предстояло мне ехать, и в которой прожил я столь долго! Как заблуждался я в том, что мне предстоит увидеть в дороге! Ибо не цветы, но шипы увидел я, и шипы эти больно уязвили моё сердце.

Как дитя любопытный покинул я Мадрид. Дорога моя лежала на юг, в направлении Малаги. В странствие я пустился, заручившись компанией двух моих слуг, решительных, предприимчивых и сильных малых, которых люди прозвали

Пако и Чико потому, что они были братьями и лицом были похожи друг на друга, как две горошины из одного стручка. Пако следовало бы назвать плутом, ибо способности его к всевозможным проделкам и хитростям превосходили все возможные соображения на этот счёт. Чико же был человек совсем в ином роде. Простой и гордый, он будто бы олицетворял собою весь тот благородный характер, который проезжие и иностранцы приписывают испанцам издавна. Иной компании у меня не было, но и эта меня полностью удовлетворяла. Я рассчитывал в пути встретить других путешественников, следующих в Андалусию, и присоединиться к ним. Вовсе же одному ехать мне не следовало, ибо пустынные и дикие места, кои надлежало нам проехать впоследствии, как мне говорили, кишели бродягами и разбойниками. К тому же, не очень показалось мне уютным чувствовать себя в одиночестве посреди полей и гор, которые предстояло мне преодолеть в моём пути.

Сев на наших лошадей, мы неспешно выехали за ворота. Мысли мои одолевали меня и, погружённый в них, я не заметил, как покинули мы окрестности Мадрида. Миновав Толедо, я будто бы очнулся, и глаза мои открылись. Моё путешествие началось только сейчас, когда знакомый мне Толедо остался позади.

Передо мной расстились жёлтые выгоревшие на солнце травы, пробившиеся сквозь каменистую кастильскую почву. Вид их был так уныл, что невольная тоска сжала моё серд-

це. Беспощадное солнце! Не в твоей ли воле жизнь и смерть всего на этой земле? Ты озаряешь поля, заставляя колос наливаться силой, но ты же и сжигаешь его, если приходит тебе причуда, неугасимое светило! Но тут же я сказал себе: не вини солнце, ибо не оно причиной всему, но воля Провидения создала этот мир таким, и выжгла эту землю. Стало быть – это так надобно, и не следует придаваться тоске и печали! И всё же невольная грусть сжимала моё сердце и терзала мой ум. И вот по какой причине... Я мало ездил и почти ничего не знаю. Но детские мои годы пришли близ Рима, в краю итальянском, природа которого щедра и богата той красотой, которой нет и названия. И вот мнилось мне, что если природа Апеннин столь щедра, то как же богата должна быть природа края ещё более южного. Как ошибался мой младенец-ум! Что пользы в прочитанных книгах, сказал я себе, когда ни одна из них не передаёт того, что может видеть глаз. Вместо роскоши и богатства узрел я будто бы нищету и скорбь, и с чувствами, огорчёнными такими видениями, и угнетённый своим разочарованием, отправился я в дальнейший мой путь уже совсем невесёлым.

Тусклая зелень олив сменяла выжженные поля, а оливы, в свою очередь, переменялись на виноградники. Унылое зрелище навевали эти сельские картины. Все поля, однако, были ухожены, чисты, здоровы, но нигде не было видно ни одного крестьянина. Даже крестьянских домов нельзя было увидеть поблизости от полей. Будто бы чья-то неведомая рука, или,

более того, чья-то воля обихаживала их зелень, или будто бы Господне чудо поддерживало в них жизнь, а человек не приложил ни малейшего усилия для того, чтобы вырастить эти оливы, или этот виноград. Вдали, на возвышенностях виднелись старые каменные замки с непременноми донжонами, построенные во времена католических королей и даже ранее, о которых за расстоянием нельзя было разобрать: обитаемы ли они, или это лишь остовы былого величия, давно покинутые людьми?

Когда солнце стало припекать особенно жарко, мы решили остановиться в тени оливковой рощи. Чико занялся лошадьми, Пако – нашими припасами, я же сел в тени оливы и набросал тут же мои впечатления в книжку, которую специально взял с собою для записей.

Грустный путь наш меж полей и оливковых рощ продолжался довольно долго, и ничто не нарушало установившегося обыкновения нашего путешествия до самой той поры, пока, миновав города и селения, не прибыли мы к горной гряде Сьерры-Невады, что обрамляет собою Гранаду, некогда мавританскую, а ныне испанскую землю. Надо ли тут ещё прибавить, что в дороге я не встретил столь желаемого мною общества и не обрёл ни одного спутника? Однако к моей радости природа будто переменялась. Всё так же была редка растительность на горных грядках, но хрустальные ручьи и тень, падавшая от гор, нарушили мою печаль. Андалусия, это была Андалусия! Я чувствовал перемены в самом дыхании её!

Я чувствовал перемены и в собственной душе...

Каждый, кто хотя бы раз бывал в горах и путешествовал через них, знает, сколь грозное и великолепное впечатление производят они на проезжающего. Каменные громады с двух сторон обступают путника. То тут, то там среди них мелькают небольшие деревца или целые рощицы, в уступах пробивается трава, а в расселинах журчат ручьи с чистой и ледяной водой. Ночью, когда южный сумрак совсем сгущается над головою, ярко выступают на небе звёзды. Вершины гор тогда едва угадываются в темноте. Ветер тоскливо шумит меж уступов, деревья раскачиваются и стонут, кое-где, если вам случается остановиться близ какого-нибудь селения, видны огоньки. Но, кажется, будто ты совершенно одинок, и будто бы никого нет в мире, кроме тебя, и только одни безмолвные горы окружают человека, вдруг среди ночи оказавшегося на перевале или в расселине и по слабости своей не успевшего ещё преодолеть их. И слабость эта в темноте увеличивается ещё более. И если вам не повезло обладать безмерной фантазией, и вы никак не можете заснуть (а воображение будто бы нарочно разыгрывается и берedit вас), то те чувства, что вы испытаете, ночуя в горах, не сравнятся по силе ни с какими иными чувствами. Вы ощутите себя малой частицей, пущенной на волю волн игривой рукою. Ничто не в вашей власти. И самая ваша жизнь принадлежит волне. Но пока море спокойно – есть надежда, что вы доберётесь до желанного берега. Таковы горы.

Но вот и они закончились. В несколько дней пересекли мы горную грядку, следуя той дорогою, которой до нас следовали многие путники, что и проторили эту дорогу. Нам не встретились ни такие же путешественники, ни разбойники, лишь только один раз встретили мы пастуха, которого нам удалось разглядеть издалека, и один раз – крестьянина, жителя довольно большого горного селения, расположенного на перевале, в котором мы в ту ночь и заночевали.

В селении был постоялый двор, в котором как раз оказалась одна – последняя – комната для меня. Пако и Чико же расположились со всем удобством, которое им было потребно, в общем зале, в котором ночевали слуги и других проезжих.

Я уж говорил, что на всём пути не встретил ни одного странника, но надо же было случиться тому, чтобы именно на этом постоялом дворе заночевали кроме меня и другие представители славного племени путешественников. Хозяин гостиницы сказал мне, что приютил под своим кровом ровным счётом семь человек, я же буду восьмым. На том его комнаты и окончатся, и если кто-либо ещё сообразоволил ехать через их селение, то ему некуда будет поместить нового постояльца. Благодарение Богу, в тот вечер больше никто не явился и хозяин, довольный, ушёл почивать к себе. А на утро разыгралась такая непогода, которой совершенно невозможно было ожидать после нескольких дней полной и чудной ясности, царившей в природе.

Я спустился вниз и велел подавать мне завтрак. К моему удовольствию, другие постояльцы, среди которых были и дамы, также спустились вниз в общую комнату, которую уже освободили слуги, с утра пораньше занявшиеся делами своих хозяев.

Сеньоры, которые все меж собой не были знакомы, сели каждый со своим спутником и также отдали должное завтраку. Затем в залу вошёл хозяин и объявил, что непогода так сильна, что выехать с постоялого двора никак не представляется возможным. Добрый наш хозяин, по имени сеньор Начо, сказал так:

– Уважаемые сеньоры! Непогода застигла вас в горах и, значит, так тому и быть. Не в наших силах противиться воле Божией. Следует лишь радоваться, что она застигла вас не в пути, и не на горном перевале, а в моей уютной гостинице, которую я прошу вас считать своим домом до той поры, пока не станет для вас возможным покинуть её. А пока располагайте мною и всем тем, что есть у меня.

Сказав так и выслушав благодарности в ответ, сеньор Начо удалился.

– Вот так-так! – сказал один из сеньоров, который был старше всех по возрасту. – Стало быть, уважаемые сеньоры, все мы тут собратья по несчастью! Все мы ехали и куда-то торопились, но принуждены теперь провести тут день, а может быть, и не один, ибо дождь за окном так силён, а ветер так страшно завывает, что кажется, будто нет никакой надежды

дождаться ясной погоды!

– Что касается нас с братом, то вынужденная задержка нас нисколько не беспокоит, – ответил на его слова другой сеньор, возрастом значительно моложе. – Разве только это может доставить неудобство дамам, что оказались на этом постоялом дворе? – с поклоном обратился он к одной из путешественниц, волею судеб занесённых в это горное селение.

– Что же может быть тут для нас неудобного? Стены гостиницы крепки, комнаты содержатся в примерной чистоте, общество самое приятное, сколь я могу судить, а торопиться нам тоже некуда, – ответила, поклонившись, дама, к которой обратился молодой сеньор.

– Благодарю прекрасную сеньору за похвалы, расточаемые нашему скромному обществу, и хочу заметить всем, что, коль скоро мы удостоены столь лестного отзыва, то и должны ему соответствовать, – заметил самый старший из господ, тот, что заговорил первым. – Посему, полагаю, нам следует назвать друг другу наши имена, чтобы во все дни, в которые мы тут будем, мы могли бы воздать должное друг другу.

Общество оживлённо закивало головами и дружно издавало возгласы согласия с таким решением. Я также согласился с этим.

– Если позволите, я назову своё имя первым, – продолжил всё тот же сеньор. – Меня зовут дон Аугусто Дуарте-и-Гомес, родом я из Гранады и являюсь, благодаря предкам

моим, андалузцем. Никогда в нашем роду со стороны моего отца не было никого, кто бы не родился в благословенной Андалусии! – закончил он торжественно. – Путь я держу из Гранады в Севилью по семейным делам, оттого и оказался я тут, на этом перевале, в этом селении и в этой гостинице.

Все поклонились дону Аугусто и отдали должное его авантажному виду и его рассказу.

– Дозвольте же теперь назваться мне, – поднялся высокий человек в чёрном камзоле и белом парике. – Я тоже родом из Гранады и также держу путь из неё, но не в Севилью, а в Кадис. Потому будет правильно теперь мне назвать своё имя.

Все согласились с ним и приготовились внимательно слушать этого сеньора.

– Моё имя дон Санчо де Санта-Крус. Я дворянин и род мой, очень древний, получил своё нынешнее прозвание в те времена, когда Гранада была ещё мавританской. Один из моих предков, добрый христианин по имени дон Хорхе, после одной из битв попал к маврам в плен и был убит ими за то, что не пожелал изменить своей вере. За этот подвиг королева Изабелла Кастильская и дала имя Санта-Крус сыну своего верного слуги, погибшего за веру, то есть моему предку. А когда Гранада пала², то милость Её Величества простерлась так далеко, что она уделила владения моему предку в этих пределах. С той поры фамилия наша живёт в Гранаде.

---

² 1492 год

Общество поклонилось дону Санчо и выразило шумное одобрение его рассказу.

– Дозвольте теперь говорить нам с братом, – сказал, поднявшись, молодой кабальеро.

Следом за ним встал второй кабальеро, тоже ещё очень молодой человек. Оба они были одеты в щегольские камзолы, а у одного из братьев на пальце блистал перстень с крупным изумрудом.

– Меня зовут дон Алонсо Молина-и-Тенорио, – молодой сеньор поклонился. – Брата же моего зовут дон Хуан Молина-и-Тенорио.

Второй молодой кабальеро, тот, у которого на пальце был изумруд, поклонился так же.

– Мы уроженцы Севильи и, напротив, держим путь в Гранаду, – кабальеро поклонился дону Аугусто. – И мы также андалузцы, а наша семья обосновалась в Севилье, когда в Кастилии правил Святой король Фернандо III. Когда войска этого короля взяли Севилью³, наш предок, храбро воевавший под знамёнами дона Фернандо, увидев её красоты и покорённый ими, остался там. И был одним из тех, кто в 1252 году стоял у гроба короля.

Общество поклонилось дону Алонсо и дону Хуану, отдало должное древности рода Молина-и-Тенорио и обратилось ко мне. Я поднялся со своего места, поклонился и начал так:

– Благоугодно ли господам выслушать и моё скром-

---

³ 1248 год

ное имя?

Дамы и кавалеры выразили желание выслушать меня и тогда я сказал:

– Моё имя Симон Бернардино д'Амброзио Дуарте. Я дворянин и скромный путешественник, уроженец города Рима, так как мать моя была римлянкой. Но предки отца моего были мадридцами, и с детских лет я жил в родном городе моего отца и никогда не совершал путешествий. Это – первое путешествие, предпринятое мною из любопытства и из желания познакомиться с прекрасной страной Андалусией. Эта задержка моего пути, которую вызвала непогода, теперь не только не огорчает, но радует меня, ведь я не только оказался в Андалусии, но и имею честь беседовать с коренными уроженцами этой земли, – я сделал поклоны всем кавалерам, кто до сей поры успел назвать себя.

Общество поклонилось мне и выразило шумное одобрение моим словам и удивление тому, что я оказался наполовину итальянцем и родился в Риме.

– Однако, – начала свою речь одна из дам, – отчего вы отдаёте дань только тем кабальеро, которые назвали себя? Отчего вы не предположите, что не только одни они, из собравшихся здесь, андалузцы?

– Простите меня, сеньора, но я только побоялся опередить события! – ответил я.

– Что же, коли вы такой деликатный кабальеро, то мы с сестрой, – тут она переглянулась с молодой девушкой, си-

девшей с нею рядом, — только можем выразить вам своё восхищение. Позвольте же нам, сеньоры, также назвать себя, — обратилась дама уже ко всем.

Всё общество приготовилось со вниманием выслушать даму.

— Моё имя — донья Альфонсина Лусиантес—и-Руис де Кастро. Я уроженка Севильи, как мои брат и сестра, и ныне живу в этом славном городе близ монастыря босоногих кармелиток. Мой супруг — также севильянец и оба мы происходим из семей, что жили в Андалусии с самых тех времён, когда с этих земель были изгнаны мавританские правители. Мою младшую сестру зовут Мария Лусиантес, — дама указала веером, который она держала в руке, на девушку, сидевшую подле неё. — А сопровождает нас наш младший брат дон Родриго Лусиантес-и-Вега, — прибавила она. — А следуем мы в Кадис, так же, как и добрый сеньор дон Санчо, — дама поклонилась сеньору де Санта-Крус, а он поклонился ей в ответ.

Дон Родриго также поднялся и поклонился. Это был весьма скромный и красивый молодой человек, летами он был значительно моложе своей замужней сестры, потому никто не удивился тому, что она представила его, и никто не счёл, что это было неподобающе. Сеньорита Мария, сидевшая подле брата, была также очень красива. Голова её была покрыта белой кружевной мантильей, а в руках она так же, как и сестра, держала костяной веер. Когда старшая сестра на-

звала её имя, то она скромно поклонилась всем. Донья же Альфонсина, зрелая красавица, была покрыта чёрной шёлковой мантильей и вместе с сестрой они производили такое сильное впечатление, что всякий художник пожелал бы написать портрет этих двух дам.

Общество поклонилось донье Альфонсине, сеньорите Марии и дону Родриго, и отдало должное красоте дам и учтивости их кавалера.

За оживлением, вызванным знакомством, последовало невольное затишье. В это мгновение я размышлял вот каким образом. Надобно же было такому случиться, думал я, чтобы все дамы и кавалеры, застигнутые непогодой на постоялом дворе, были уроженцы Гранады, или Севильи. И все они были андалузцы до мозга костей и этим гордились. Эта мысль так воодушевила меня, что я решился нарушить тишину.

– Сеньоры! – начал я так. – Целью моего путешествия была Андалусия, как уже я и сообщил вам это. Мне хотелось собственными глазами увидеть то, о чём до сей поры я только читал в книгах или слышал в рассказах тех, кто успел тут побывать. Но также мне хотелось бы и встретить андалузцев, и послушать их рассказы о том, что могли бы они мне поведать, чего бы это ни касалось. Я думал составить книгу из тех заметок, что мне удастся написать самому, и из тех рассказов, которые мне доведётся услышать. Посему я сердечно рад тому, что встретил вас тут, сеньоры.

– Что же, нельзя не признать, что такие речи лестны для

нас, как для местных уроженцев, – ответил мне сеньор Аугусто. – Что думаете вы, сеньоры?

– Мне эти речи так же приятны, но что же такого могли бы мы поведать человеку путешествующему и, к тому же, много знающему? – спросил дон Алонсо.

– Да ещё и писателю! – прибавил дон Хуан.

– Быть может вы, дон Бернардино (вы ведь позволите так вас называть?) вы скажете нам, чего бы вы хотели? По вашему лицу я вижу, что вы уже что-то придумали, – громко сказала донья Альфонсина.

– Ничуть не удивляюсь вашей проницательности, сеньора! – ответил я. – Ибо вы правы, и я знаю, что хотел предложить бы вам, но боюсь, что предложение моё столь необычно для компании людей малознакомых, что оно может вызвать в вас удивление или даже негодование. Этого я опасаюсь более всего!

– Дон Бенардино, скажите же нам, наконец, то, что вы желаете сказать! – подбодрила меня донья Альфонсина и к ней присоединились все прочие.

– Коли уж непогода свела нас вместе под этим кровом, – начал говорить я, – то я бы предложил всем использовать уже неоднократно проверенный способ скоротать время, которым не брезговали и венценосные особы. А именно, я бы предложил каждому из нас повести рассказ о том или ином событии, которому вы или были свидетелем сами, или слышали его из уст, заслуживающих всяческого доверия. Или

даже пусть это будет сказка, но сказка андалусская, родившаяся в этих пределах. Для меня этот способ провести время будет иметь то преимущество, что я получу возможность быть не только рассказчиком – а я непременно поведаю вам какую-либо историю из тех, что мне приходилось видеть или слышать – но и буду самым внимательным и чутким слушателем! И в таком качестве я надеюсь почерпнуть множество интересных сведений о вашем крае и ваших обычаях. И только об одном позволении я буду просить у вас: о позволении записывать те истории, что я надеюсь услышать.

– Ах, сеньор! Как же вы могли думать разгневать нас таким предложением? Что может быть лучше, чем рассказать или выслушать чудесную или поучительную историю! – воскликнула донья Альфонсина.

– И королева Наваррская Маргарита увлекалась таким занятием, – присовокупил дон Аугусто, обращаясь ко всем. – Чем же такое предложение может не понравиться нам?

Тут все сеньоры и дамы зашумели, и каждый желал высказаться об этом предложении, которое внёс я на свой страх и риск, ибо вспыльчивый нрав испанских дворян мне хорошо известен. Их понятия о чести так велики, что порою благоразумие велит одно слово сказать, но два удержать при себе, чтобы не нажить неприятностей. Тут же сама стихия выступила на моей стороне, ведь грядущая скука сняла все препоны и позволила дамам и кавалерам принять моё столь необычное и смелое предложение. К тому же, надеялся я, ан-

далусские дворяне несколько отличались от дворян кастильских, так мне хотелось увидеть и услышать что-либо необычное!

Дон Алонсо и дон Хуан весело спорили с доном Аугусто о том, следует ли рассказывать истории, в достоверности коих совершенно невозможно удостовериться. Дон Родриго шептался с младшей из сестёр сеньоритой Марией и оба очаровательно притом краснели. Донья Альфонсина присоединилась к спору с доном Аугусто и обоими братьями, и только дон Санчо некоторое время молчал, а потом сказал:

– Сеньоры! Дозвольте и мне обратиться к вам и, главное, к дону Бернардино.

Я склонил голову и приготовился слушать.

– Дон Бернардино! Истории какого бы рода вам было благоугодно выслушать в первую очередь?

– Дон Санчо, я не осмеливаюсь делать приказаний столь достопочтенному обществу. Любая история, чего бы она ни касалась, будет выслушано мною с превеликим вниманием и интересом!

– Но всё же, сеньор, признайтесь, что есть сказки, которые вам слушать было бы приятнее всего? У каждого из нас есть предпочтения. Кто-то любит вино, а кто-то не пьёт ничего, кроме воды. Я, к примеру, среди всех авторов отдаю предпочтение Августину Блаженному и считаю, что никто не написал ничего лучше его «Исповеди». Но есть люди, которые станут скорее читать комедии сеньора Веласко, неже-

ли сочинения духовных отцов. Что же предпочтёте вы, дон Бернардино?

Все внимательно посмотрели на меня и приготовились слушать.

– Ваш вопрос понятен мне, дон Санчо, – ответил я. – А посему отвечу вам так. С самого детства более всего любил я таинственные истории, в которых потустороннее или чудесное так соединено с жизнью, что порою невозможно разобраться, где говорится о чудесном и необычном, а где о простом и человеческом. Любил я также и весёлые истории, про которые наши слуги говорят, что можно надорвать животики, слушая их. Нравоучительные новеллы или истории о влюблённых равно дороги моему сердцу, как и всё прочее. Теперь же вам судить, сеньоры, о чём повести свой рассказ!

Общество призадумалось, выслушав меня, а затем дон Санчо ответил мне:

– Что же, дон Бернардино, не обессудьте тогда, если собрание наших рассказов будет блистать пёстростью своих нарядов. Ведь в таком случае каждый расскажет то, что пожелает и о том, что он захочет. Это не будет ни сборник любовных новелл, ни сборник поучительных историй. Ни рассказ о верных и неверных жёнах или мужьях, ни повесть о торжестве добродетели над пороком, или торжестве порока над добродетелью, ни сборник андалусских сказок... Одним словом, это не будет ни Гептамерон, и ни Декамерон, а это будет

вольная беседа на ту тему, которая заблагорассудится каждому члену нашего маленького общества!

– Это будет Октомерон! – воскликнула донья Альфонсина. – Ведь нас равным счётом восемь человек!

– Но вы же не хотите сказать, что мы пробудем здесь восемь дней и ночей? – вскричал дон Хуан.

– Сеньор, но разве наше общество столь тягостно для вас? К тому же, пробудь мы тут восемь дней, разве это не дало бы нам возможность только сполна насытиться разного рода историями?

– О, да, любезная донья Альфонсина! Но тогда наши дела, по которым все мы следовали, придут в совершеннейший упадок! – возразил ей дон Аугусто. – Разве вы не опасаетесь этого?

– Ничуть дон Аугусто, – живо ответила ему дама. – Напротив, быть может, промедление в наших делах всем нам будет полезно. И определённно оно угодно Небесам, коли они задержали нас всех тут, на этом постоялом дворе!

– В ваших словах я слышу голос истины, – сказал дон Санчо, поклонившись донье Альфонсине. – Как бы то ни было, но Провидение дало нам передышку и возможность поразмыслить о том, что мы собрались делать. И, как знать, не следует ли кое-кому из нас отказаться от своих дел, или хотя бы немного переменить свои планы?

– О, нет! Наши дела такого рода, что отменять их нельзя никоим образом! – отвечивал дон Алонсо. – Нас с братом

ждут невесты! Как же можно нам говорить о перемене или отмене наших планов?

– Вот как? Невесты? – спросила донья Альфонсина. – И вы собрались вступить в брак в один день?

– Да, – ответил за брата дон Хуан. – Ведь мы братья, а наши невесты – сёстры. Мы с Алонсо равно любим друг друга, так же, как и наши невесты-сёстры любят друг друга. Сеньорита Анна и сеньорита Эльвира ждут нас и, пожалуй, волнуются, ибо не предполагают отчего бы мы с братом могли так задержаться!

– Ах, сколь нетерпелива юность! – заметил дон Аугусто. – Как торопитесь вы связать себя узами брака, вовсе не предполагая того, что, возможно, через какой-нибудь год уже пожалеете о таковой своей поспешности!

– Зачем вы так говорите, дон Аугусто? Своими словами вы обижаете наших дам, – заметил ему дон Санчо.

– Разве вы так уж несчастливы, дон Аугусто? – смеясь, спросила донья Альфонсина.

– Во-первых, – ответил тот. – Я был женат и женат счастливо на женщине добродетельной и кроткой, как голубка. Она подарила мне троих сыновей, а по прошествии десяти лет супружеской жизни сделала меня вдовцом. Вот уж двенадцать лет я вдовею но, признаться, хотя и поминаю добрым словом мою драгоценную донью Исабель, но не спешу вступать в другой брак. Во-первых, мне уже достаточно лет, чтобы не стремиться к подобным утехам. А, во-вторых, я ве-

рю в то, что в раю встречу мою добрую Исабель. Какими же глазами я посмотрю на неё, если со мною на небеса придёт моя вторая супруга? Таковы мои обстоятельства, сеньоры. Я был счастливым мужем и живу в спокойном вдовстве. Однако я знал множество сеньоров, которые почитали себя несчастливymi в браке, потому и сказал то, что сказал.

Выслушав такие речи дон Аугусто, я внимательнее приоткрылся к его наружности. Я подумал, что этому благородному сеньору не могло быть более сорока пяти лет. Он был совсем ещё не стар, однако он уже и не был молод. Он не носил парика, что позволяло рассмотреть благородные седьны, которые только-только начинали покрывать его чёрные кудри. Чёрные глаза его светились умом, пронизательностью и благородством, во всей натуре его сквозила почтенность, а фигура, хотя и погрузнела от времени, но всё же была достаточно подвижна и ловка.

– Что же, ваш возраст и ваш опыт вполне объясняют ваши речи, дон Аугусто, – отвечала ему меж тем донья Альфонсина. – И, уж коли некоторые из нас начали приоткрывать собственные обстоятельства, то будет справедливо, если и все прочие немного скажут о себе. Я уже говорила, что живу с супругом моим в Севилье. Обстоятельства сложились так, что мужу моему следует отправиться в Новый Свет и теперь я еду в Кадис, чтобы сесть на корабль, на котором он уже ждёт меня. Господь не дал нам детей, хотя минуло уже девять лет с той поры, как мы стояли с моим драгоценным

доном Каспаром пред алтарём. Но взамен того у меня есть брат и сестра, которые теперь следуют за мною в Кадис, чтобы отправиться в Новый Свет. Пройдёт довольно много времени, прежде чем мы вернёмся в нашу благословенную Испанию!

Пользуясь случаем, я внимательно смотрел на донью Альфонсину, чтобы составить для себя мнение о ней, о её наружности и характере. Ей было не более тридцати лет. Она была очень красива и напоминала мне о такой Испании, которая предстаёт перед всем миром в сказках и легендах. Чёрные её кудри под мантильей сияли, равно, как и блистал её взор. Оливковая кожа светилась нежным румянцем, а уста, подобные розовым лепесткам, с живостью открывали белый жемчуг её зубов. Тонкий стан чуть был тронут возрастом, но совсем немного, ибо полнота его скорее говорила о совершенном благополучии его владелицы, нежели о годах или иных тяготах. Я перевёл глаза на сеньориту Марию, её сестру, чтобы сравнить этих двух красавиц.

Сеньорита Мария была совсем юна, я бы не дал ей более семнадцати лет. Цвет её лица был совершенно бледным, а кудри – светлыми, совсем не как у её сестры. Стан её был тонок, плечи покаты, руки, как две белые лилии, упали на колена красавицы. Взор её был потуплен, а уста крепко сомкнуты, но ежели бы она только пожелала что-либо сказать, то была бы выслушана с ещё большим вниманием, чем её сестра.

Меж тем дон Хуан, поклонившись сёстрам, сказал:

– Благодарю вас, донья Альфонсина, за ваш рассказ.

Но отчего же ваши сестра и брат ещё не промолвили ни одного слова? Мы бы так же хотели выслушать и их.

Донья Альфонсина обернулась к сестре и тронула её за руку. Сеньорита Мария покраснела и ответствовала:

– Благородные сеньоры! Я так же рада приветствовать вас, и благодарю вас за честь, коей вы удостоили меня, повествуя о своих благородных семьях и о себе. Сестра моя уже всё рассказала о том кто мы, и куда мы следуем. Мне пока более нечего добавить.

– Но станете ли вы участвовать в нашем Октомероне, как назвала его ваша благородная сестра? – учтиво спросил у неё дон Аугусто.

– Ежели вам будет благоугодно выслушать меня, – отвечала, потупивших, девушка, – то я постараюсь не разочаровать вас и рассказать вам одну сказку, которую выслушала я когда-то от моей нянюшки. А более я ничего не знаю и мне, право, совестно занимать вас своими детскими рассказами.

– Ах, для чего вы извиняетесь? – согласно воскликнули все и принялись уверять девушку, что с радостью выслушают любое её слово.

Вслед за сёстрами обществу поклонился дон Родриго. Он был так же красив, как и его сёстры. Юношеская его мягкость и благородство всей природы светились в каждом движении этого сеньора. Гибкий его стан был почти девичьим,

а румянец не уступал румянцу младшей сестры.

– Я также рад приветствовать то славное общество, в которое волею судеб попал. И благодарю Господа, что в этой глуши он привел мне и моим сёстрам встретит сразу столько благородных господ. Если мои рассказы развлекут вас, то я не вижу причины мне молчать, – поклонился он, закончив свою речь.

– А что же вы, дон Бернардино? – обратился тогда ко мне дон Аугусто. – Что скажете о себе вы?

– Сеньоры! Я лишь простой путешественник и цель моих странствий я уже имел удовольствие изъяснить вам. Семейное же моё состояние таково, что я одинок, разумею, что не имею пока ещё подруги жизни. Но надеюсь, что вскоре я обрету её и тогда уже со знанием дела смогу рассуждать о прелестях и тяготах семейного положения, – ответил я с поклоном.

– Bravo! Это достойная речь, – заключила мои слова донья Альфонсина. – Мне кажется, что только дон Санчо ещё ничего не сказал о себе, – продолжила она.

Дон Санчо встал, поклонился и сказал так:

– По облику моему вы, должно быть, увидели, что я человек одинокий и не гонящийся за внешним блеском, ибо сие не пристало ни моему возрасту, ни моему положению. Мне уже тридцать пять лет, и хотя я не достиг ещё того прекрасного состояния, в котором жизнь ощущается полною мерою, как достопочтенный дон Аугусто, – он поклонился этому се-

ньору, – но я уже и не нахожусь в том положении, когда каждый новый день приносит неизбывные радости, как дон Алонсо и дон Хуан, чья молодость искрит теперь в их ожиданиях и чаяниях счастья. У меня нет семьи, но этого пожелал я сам, ибо имел для того некоторые основания. Я не сделался монахом, хотя и желал этого всем сердцем. Но и тут судьба выступила против меня. Итак, я влачу своё существование меж небом и землёй, меж монастырём и миром, и теперь я благодарен Всевышнему, что он послал мне столь блестящее общество для того, чтобы грядущие часы или дни показались мне веселее предыдущих и будущих, кои грозят мне одиночеством. Уповаю же я на то, что пути Провидения никому не ведомы и, как знать, не скрывается ли и в этой нашей встрече для меня (да и для всех нас) нечто такое, что переменит мою жизнь в несравненно лучшую сторону!

Окончив говорить, дон Санчо вновь поклонился, а всё общество взволновалось. Я, поражённый этой речью, задумался о тех превратностях судьбы, кои мог пережить этот сеньор и так же увидел, как сеньорита Мария со вниманием и участием посмотрела на дону Санчо и, казалось, всей душою посочувствовала ему.

Однако, оттого, что речь дону Санчо произвела на всех отчасти тягостное впечатление, дон Аугусто сказал так:

– Хотя, благородный дон Санчо, мы не знаем всех тех превратностей, коими одарили вас судьба и Провидение, всё же позвольте мне от лица всех, кто теперь присутствует тут, вы-

разить вам глубочайшее сочувствие и пожелать скорейшего разрешения от всех ваших бед.

– Да, да! – все дамы и кавалеры пылко присоединились к этим слова дон Аугусто, и я так же не отставал от всех, чуть не плача от сочувствия к дону Санчо.

– Благодарю вас всех, драгоценные мои сеньоры! И простите, что я своими речами навёл вас на грустные мысли, – со слезами на глазах ответил дон Санчо, поочередно отвечая на дружеские знаки внимания и участия, которыми от души награждали его все присутствующие и даже дамы.

– А чтобы окончательно расстаться с грустью, быть может, нам стоит начать наш Октомерон? – спросила донья Альфонсина.

– Да, да! – пылко произнёс дон Санчо.

– Тогда, быть может, дон Аугусто, по праву старшинства, поведёт свой рассказ первым?

Все тут же согласились со словами доньи Альфонсины и стали просить дон Аугусто открыть *первый день* своим рассказом.

– Хорошо, – ответил на это дон Аугусто. – Уступая вашим просьбам, я начну свой рассказ с предложения установить нам очередность. После меня пусть говорит дон Санчо, ибо он также из Гранады, как и я, и он вторым представлялся нашему обществу. Пусть следом за ним говорят севильцы, братья дон Алонсо и дон Хуан, по старшинству, как говорившие речь после дон Санчо. Затем пусть говорит

добрая донья Альфонсина, также севильянка и старшая среди своей семьи. После неё – сеньорита Мария, а затем дон Родриго, и это будет ему необходимо, ибо он, как кабальеро, уступит своим сёстрам слово. Ну, а завершит наши рассказы пусть дон Бернардино, чтобы после наших андалусских сказок мы бы могли потешиться историей, свершившейся в других краях, к тому же изложенной настоящим учёным и писателем, а мы поняли, что вы, дон Бернардино, именно такой человек и есть. Все ли согласны со мною, мои добрые сеньоры?

– Да, да, мы все согласны! Вы распределили очерёдность по справедливости и только так, как и надобно было её распределить, и так, как не распределил бы её и мудрейший из мудрых людей, – воскликнули все.

– Итак, тогда позвольте мне, по праву первого рассказчика, обратиться ко временам совсем недалёким и поведать вам следующую историю.

День первый

Рассказ дона Аугусто.

История о том, что представления кабальеро о счастье могут сильно разниться с тем, что есть счастье для него на самом деле.

В славном городе Севилье проживал некогда дон Диего Альфонсо де Рибас и Кастильяс, принадлежавший к фамилии знатной и воинственной. Все предки дона Диего служили кастильским королям славно, верою и правдою, не жалея крови своей, и круша врага сталью своих толедских клинков. Однако с тех пор, как последний мавр был изгнан из владений христианнейших испанских королей, слава рода де Рибас стала постепенно угасать, ибо некому было поддерживать её. Дон Диего, последний мужчина в славном роду, в душе был совсем не воином. Самой главной его страстью была страсть к нарядам. Ни у кого не было такого расшитого золотом камзола, как у него, когда выходил он в день Светлой Пасхи из дверей собора. Ни у кого не было столь пышного плюмажа, состоявшего не менее как из пяти перьев. А перевязь его шпаги была затейливо и искусно расшита изображениями полевых цветов – лазоревых, красных, изумрудных и золотых. Усладу для глаз представлял собою славный дон Диего, ведь был он к тому же ещё и красив. Однако, хотя

и был он хорош собой и древнего рода, и к тому ж ещё богат, отцы уже двух невест отказали ему в сватовстве, потому как шпага его мирно спала в ножнах, не имея, как сказал поэт, дела, к какому могла бы приложиться, и все в Севилье о том знали.

Как-то раз печаль дона Диего от этого сделалась столь сильной, что он, несмотря на наступление темноты, вышел из дому и отправился бродить куда глаза глядят, не взяв с собою даже верного своего Луку.

Ночь между тем сгустилась над Севильей. Дыхание тёплого ветра повеяло над нею, напоив ароматами лавра и апельсина ночную тишь. То там, то сям из окон доносились голоса, повествовавшие дону Диего о семейных радостях, прятанных от него за крепкими ставнями. Бедные домишки, притулившиеся невдалеке от дворцов, также повествовали миру о счастье семейной жизни, коей дон Диего был совершенно лишён, и которой так страстно жаждал.

– Ах, несчастный я человек! – возопил, наконец, дон Диего, наслушавшись всего этого, набродившись и остановившись как раз перед образом Святой Девы на углу Мёртвой улицы, перед которым теплился слабый огонёк. – Отчего ты не хочешь помочь мне? – вскрикнул он, обратившись к статуе, безмолвно взиравшей на него среди ночной тьмы. – Отчего? Разве хуже я прочих? Разве не достоин я счастья, кого не лишены и самые последние бедняки в Севилье? О, ты молчишь... Ты не хочешь помочь мне, хотя я так долго

и пылко молил тебя о том, Пречистая дева! Ну, что же! Раз ты молчишь, так я пойду и утоплюсь в Гвадарквивире! – закончил свои безумные речи несчастный дон Диего.

Сказавши так, он решился немедленно исполнить своё намерение, и скорым шагом отправился к реке.

Всякому известно, что враг рода человеческого не дремлет и, услыша такие слова, тут же вцепляется в грешника. Так произошло и на этот раз. Едва только дон Диего встал над полноводной рекою, несший свои воды к морю, как вдруг померещилась ему тень, так же, как и он, склонившаяся к водам. Тень эта была одета в длинное тёмное платье и покрыта чёрной мантильей с головы до ног. Она слегка покачивалась, и то воздевала к небесам свои руки, оглашая окрестности стенаниями, то прижимала ладони к своей груди, что-то горестно бормоча. Одним словом, это была женщина!

Дон Диего, поражённый видением, тут же решил подойти к незнакомке и, представившись ей, предложить свою помощь. Ведь сеньора (или, быть может, сеньорита – при этой мысли дон Диего приосанился) оказавшаяся тут совершенно одна об эту пору несомненно оказалась в самом затруднительном положении. По платью незнакомки, блиставшему серебряным шитьем на корсаже, и по ее тончайшей работы кружевной богатой мантилье можно было судить, что принадлежала она к самому изысканному обществу. И, хотя дон Диего несколько покоробило то, что благородная дама могла оказаться без дуэньи или без кабальеро одна ночью

посреди города, он, едва поколебавшись, всё же направился к ней. Встав пред нею, он склонился и, прочистив горло, произнёс.

– Драгоценная донья! Простите мне мою дерзость, но я, застав вас в столь удручающем положении, счёл долгом кабальеро предложить вам свои услуги, ежели только таковые нужны вам!

Незнакомка вздрогнула и, обернувшись к дону Диего, ответствовала так:

– О, славный кабальеро! Неужто Господь услышал мольбы мои и направил меня сюда только для того, чтобы я встретила такого учтивого, благородного и прекрасного сеньора, как вы!

Польщённый дон Диего склонился пред нею ещё раз.

– Речи ваши столь усладительны, – ответил он, – что душою моею овладевает страх: смогу ли я быть вам хоть чем-нибудь полезен? Но я уже был неучтив пред вами и забыл назвать своё имя! Меня зовут – дон Диего де Рибас и Кастильяс!

– Славное имя! – воскликнула незнакомка звонким как серебряный колокольчик голосом. – И мне оно знакомо, как знакомо любому севильянцу, если он благороден в происхождении.

Услышав этот сладостный звон, дон Диего преисполнился упований, что дама, находящаяся пред ним, молода и прекрасна, как и её голос.

– Могу ли я узнать, как зовут вас, и чем могу я быть вам полезен? – спросил дон Диего.

Незнакомка глубоко вздохнула, опустила голову и ответствовала:

– Ах, добрый дон Диего! Повесть моя печальна и, боюсь, что рассказав её вам, я поставлю вас в такое положение, при котором вы решите, что если станете помогать мне, то честь ваша будет задета.

– Ничто не может остановить меня, если помощь моя потребна даме, милая донья, – сказал дон Диего. – Доверьтесь мне и вы узнаете, как можно положиться на моё слово!

Незнакомка вздохнула ещё раз и ответила:

– Сеньор! Взгляните на моё лицо! – воскликнула незнакомка в порыве чувств и тут же пылко подняла мантилью и открыла своё лицо.

Дон Диего замер, поражённой юной красотой, открывшейся пред ним в лучах лунного света: матовая кожа с дивным румянцем, тёмные брови и ресницы, жемчужные зубы, пышные чёрные локоны – всё дышало здоровьем, молодостью и прелестью.

– Сеньор, хороша ли я?

– Вы дивны, как свежее утро, прекрасная незнакомка!

– А между тем, мне негде приклонить головы. Никто не желает дать мне приюта. С тех пор, как бесчувственная родня прогнала меня из дому из-за того, что я отказалась выходить замуж за избранного мне кабальеро, я не знаю по-

коя. И вот теперь я решила поккончить всё разом и окончить свои мучения в Гвадалквивире!

– Прекрасная сеньорита! Более всего желал бы я избавить вас от этой беды! – воскликнул испуганный кабальеро, протянув руки к незнакомке.

– Говорите, говорите, сеньор! Всякое ваше слово будет услышано с радостью и благодарностью, благородный дон Диего! – при этих словах, юная красавица скромно протянула дрожащую ручку и доверчиво оперлась ею на протянутую к ней правую длань сеньора.

Ободренный этим, дон Диего промолвил:

– Взгляните на меня, добрая донья! Всякий в Севилье знает меня, как блестящего кабальеро! Если вы не боитесь, то позвольте мне предложить вам приют!

– О, сеньор! Вы услаждаете мой слух своими речами! Но пристойно ли мне – девице – принять ваше предложение? Чем станете вы радовать меня, когда мы окажемся с вами так близко?

Дон Диего приосанился и, крепко сжав протянутую ему ручку, положил левую длань на эфес своей шпаги.

– Сеньорита, манера моя такова, что ни деве, ни даме не приходится скучать или жаловаться на невнимательность и пренебрежение, когда рядом с нею я. Вам не стоит бояться ничего со мною! Шпага моя не успевает прятаться в ножны, коли позволите сказать мне прямо, если того потребует удовольствие прекрасной доньи.

Незнакомка кокетливо рассмеялась и, опустив мантилью на своё лицо, ответствовала:

– Мне приятны такие речи. Молодой, красивый кавалер, чьи способности так превосходны, имеет право быть благо-склонно услышан. Я, пожалуй, пойду с вами в ваш дом!

– Но как ваше имя, моя добрая красавица?

– Меня зовут Инесой, мой лукавый сеньор.

С этими словами незнакомка оперлась на руку дона Диего и он, взявши её премило под руку, с превеликой осторожностью повёл донью Инесу по тёмным улицам, аккуратно предупредая каждый её шаг и следя, чтобы она не споткнулась и не угодила изящной ножкою в яму. Так дошли они до дома дона Диего, что располагался на углу улицы святого Иакова Компостельского. С величайшей предупредительностью вошёл дон Диего внутрь и ввёл туда красавицу.

Там встретил их Лука и воскликнул:

– Вот те на! Где ж вы были, хозяин? И кто это с вами? Э-э... Да это дамочка! Ага! Вот так номер! Вы подцепили красотку!

Говоря все это, достойный слуга то взмахивал руками, то хлопал ими себя по ляжкам, то приседал, то вертелся, одним словом, исполнял все то, что пристойно исполнить всякому слуге благородного кабальеро.

– Заткнись, болван, – воскликнул в ответ хозяин. – Эта славная сеньорита по имени донья Инеса теперь станет тут жить и будет зваться твоею хозяйкою! Скажи-ка, всё ли в по-

рядке в моей опочивальне? Пристойно ли сеньорите моей войти в неё? Ничто не оскорбит там её взора?

– Что за притча! – воскликнул верный Лука. – Ушёл холостяком, а вернулся как будто женатым! Что же до вашего вопроса, то в опочивальне всё, как надобно и как вы велели. К тому же готов и ужин. Он хотя и простыл, но вполне съедобен, сеньор!

– Не хотите ли вы подкрепиться, дражайшая донья Инеса? – нежнейшим голосом обратился дон Диего к своей спутнице.

– Я так устала, мой дорогой друг, – ответила она, – что хочу немедленно пойти в спальню.

– Позвольте же мне проводить вас, – обрадовано ответил дон Диего и с этими словами стал указывать ей дорогу.

Войдя в спальню, донья Инеса глубоко вздохнула. Дон Диего с восхищением посмотрел на неё.

– Есть ли тут зеркало, друг мой? – спросила его донья Инесса.

– Вот оно!

Упоённый дон Диего указал ей на большое в полстены серебряное зеркало, пред которым стоял столик из орехового дерева весьма тонкой работы с туалетным прибором (кувшином и тазом), а также резное деревянное кресло.

Донья Инеса подошла к зеркалу и опустилась в кресло. Дон Диего приготовился любоваться своей гостьей. Она же, откинув мантилью, сняла её вовсе, а затем, повернувшись,

сказала ему:

– Мой добрый сеньор! Ложись, и вели своему слуге раз-
облачить тебя.

– Сколь сладостны твои слова, моя красавица! – ответил
дон Диего, а затем крикнул. – Эй, Лука! Ступай сюда, бол-
ван!

– Чего прикажете, сеньор? – спросил его слуга, просунув
голову в дверь.

– Поди,ними с меня сапоги, камзол и штаны! Я хочу
улечься!

– Это пожалуйста, – с охотой ответил Лука и, войдя,
тут же покрякивая стянул один за другим сапоги со своего
сеньора, прибрал его штаны и камзол и, оставив в одной ру-
бахе, позволил ему укладываться на постель самому. Донья
Инесса с улыбкою смотрела на него.

– Вели теперь слуге уйти, друг мой – сказала она.

– Вон пойди, скотина! – послушно и мирно приказал Луке
хозяин.

– Как нужен – так поди сюда, а как надоел – так иди вон, –
пробормотал Лука, удаляясь.

Донья Инесса посмотрела на дона Диего и сказала:

– То ли эта рубашка так плотна, то ли я мало нравлюсь
тебе, дон Диего, но я не вижу твоей шпаги, которой ты так
хвалился! В порядке ли она?

Покраснев, дон Диего проговорил:

– Не беспокойся, моя пташечка, с нею всё в порядке.

Но не разденешься ли ты и не ляжешь ли рядом со мной? Быть может, моей шпаге не хватает только вида ножен, чтобы вступить в бой?

– Я думаю, не обманул ли ты меня, сеньор, своею похвалюбою? Но ты прав, мне стоит для начала раздеться.

Донья Инеса сняла перчатки. Потом, глядя в зеркало, провела руками по волосам, и дон Диего с изумлением увидел, как половина локонов его прекрасной гостии оказалась в её руках и легла на столик. Затем донья умылась, и краски спали с её лица. Оно оказалось увядшим и бледным, на лбу и щеках проступили морщины и, право слово, донья Инеса стала старше на добрых два десятка лет против прежнего! Потом она провела по глазам, и глаза её лишились ресниц и бровей, а ресницы и брови легли на столик близ локонов. Затем красавица его достала изо рта зубы и положила их рядом с остальным. После того сеньора сбросила с себя платье и, встав, повернулась к дону Диего и улыбнулась своим беззубым ртом.

– Господь Вседержитель! – завопил кабальеро, подскочив на постели. – Этого не может быть! А!.. Ааа...! Спасите меня! Кто ты?

– Я уже сказала тебе, что меня зовут донья Инесса, и вся Севилья знала меня последних лет пятнадцать, как красотку-Инесу. Скажу, однако, что красоткою я была не более семи годов от того дня, как начала известный промысел. Тогда ни один кабальеро не уходил от меня с печалью или тя-

жестью на сердце или в кошельке. Потом лет пять я была уже не так хороша, чтобы соблазнять каждого, кто смотрит на меня, а довольствовалась малым и была скромна. Последние три года я скитаюсь от дома до дома. Ты видишь, что красота моя увяла, но всё же я не так бесполезна для тебя, дон Диего, ибо слыхала, что ни одна дама не могла добиться от тебя того, чего я неизменно добивалась у каждого кабальеро, ложившегося со мной. И я знаю, что ты зря хвалился предо мною.

– Оставь меня, страшилище! – упрямо воскликнул дон Диего, подпрыгнув на постели. – Я не желаю слушать тебя!!!

– Да отчего же? Взгляни, если ты сам не рад видеть меня, то кое-кто рад и даже очень.

Тут дон Диего почувствовал в своём положении некоторую перемену, которой не чувствовал уж очень давно. Эта перемена так воодушевила и обрадовала его, что он тут же перестал ругаться и произнёс дрожащим голосом:

– Пожалуй, я не стану прогонять тебя пока, старуха. Ты даже можешь подойти ко мне, если хочешь.

– Вот, мой господин, разве так плохо для тебя то, что видят мои глаза? – сказала на это донья Инесса и тут же подошла к постели и легла в неё. – Посуди же сам. Шпага твоя, как видно, как раз подходит для ножен, что я могу предложить тебе. Повеселись, ведь ты давно скучал, мой добрый сеньор, и всё моё искусство к твоим услугам. Так воздадим же ему должное!

– Ах! Аааа! – восклицал время от времени дон Диего. – Не может этого быть! Что со мною?!

Кричал он так до тех пор, пока верный его Лука, не вбежав в опочивальню, узрел, как господина его целует беззубая лысая старуха. Увидав такое дело, Лука возопил:

– Свят, свят, свят! Что это? Бесовское наважденье! Чур! Кыш! Пошла отсюда, пошла!

– Это ты пошёл вон, болван! – крикнул ему дон Диего, как только смог удержаться от стенаний.

– Подумать только! Что за страшилище приволок в дом мой господин! Но, коли ему так охота, то пусть делает, что знает. Разумен тот, кто с деньгами, а господин мой богат. Я же – дурак – беден и служу ему. И могу любую старуху принимать за красотку, если господину моему это доставляет удовольствие! – уходя, сказал честный Лука.

Проснувшись поутру, дон Диего кинул взгляд к зеркалу и увидел пред ним красавицу, вовсе не похожую на то страшилище, что спало с ним ночью.

– Это мой дневной вид, сеньор, – ответила ему донья Инесса.

Глядя на неё, дон Диего подумал так: «Её дневной вид так хорош, что усладит и успокоит всякого. А то, что делается с нею ночью, то никого не касается, и вовсе ничьё дело, кроме моего!»

С тех пор дон Диего всякую ночь проводил в уладах, коих был лишён, казалось, навсегда суровой природой, неспра-

ведливой к нему. Каждую ночь его старая Инесса ласкала его, пуская в ход всё искусство, приобретённое ею, и каждое утро она обращалась в красавицу, которую мог видеть всякий. Проживши так с месяц, дон Диего подумал и женился на ней, рассудив, что ночные радости лакомее дневного тщеславия.

– Да, это очень смешная история! – воскликнул дон Алонсо.

Все поддержали его и принялись, смеясь, обсуждать повороты, подстергшие дону Диего в его похождениях. Лишь донья Мария, покраснев, отвернула своё лицо и ничего не сказала.

– А не выдумка ли это? – спросила, наконец, донья Альфонсина.

– Смею вас уверить, сеньоры, что предание это истинно, и повествует оно о неразумных мужах и о коварных жёнах! – воскликнул дон Аугусто.

– В чём же коварство? Напротив, эта донья Инесса оказала огромную услугу дону Диего! И он должен быть ей очень благодарен!

Сеньоры заспорили меж собою и сошлись на том, что дон Диего, как бы то ни было, оказался счастливым. Я также со вниманием выслушал и эту историю, и этот разговор, и сказал:

– Весьма забавная новелла, не менее забавная, чем исто-

рии, рассказанные неким итальянцем близ города, осажденного чумой.

С этими моими словами все согласилось и на том мы порешили отправиться спать и расстаться до завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.